

УТРО

Утро — лучшее время в сутках. По утрам легко верить в то, что сегодня случится что-то хорошее. Иногда я думаю: смогла бы я ходить в школу, если бы уроки начинались в обед или вечером? «А куда бы ты делась!» — говорит мама. Но я знаю, что куда-нибудь обязательно делась бы.

От дома до школы — пешком двадцать минут. Пятнадцать из них я иду вдоль проезжей части — лёгкая и стремительная. На лице — снисходительная улыбка счастливого человека. Я представляю, как зайду в класс.

Поставлю сумку на первое попавшееся место, и вокруг этого места мгновенно соберутся все. И я скажу: «Совсем не хватило сна. Что

у нас там?» — «Химия», — ответит отличница Оля Русакова. Но этого никто не услышит. Потому что все будут ждать, когда же я расскажу, на что ушло время, предназначенное для сна. Я зевну и начну говорить: «У мамы опять презентация новой книги. Пришлось идти... Из известных — режиссёр Н. — на самом деле, скучнейший дядька. А блогерша К. пришла в абсолютно прозрачном платье... И был там ещё поэт, из начинающих, спрашивал, верю ли я в любовь с первого взгляда...»

Настроение улыбчивой снисходительности донести до школы не удаётся. Я трогаю уже немного отросшие волосы и вспоминаю, что не хожу ни на какие презентации. И никакие книги моя мама не пишет. Она работает в журнале «Автодайджест». «Это моя удача», — говорит мама. Но я не понимаю, как можно считать удачей то, о чём никогда не мечтал. Мама мечтала писать книги для детей. И она была бы идеальным детским писателем. Во всяком случае, внешне. Её лицо всегда готово сложиться в гримасу, от которой любой ребёнок улыбнётся. Вот только грустить с такой внешностью плохо. На мамином лице даже лёгкая грусть выглядит вселенским отчаянием.

Мама с самого начала была ответственной за зарабатывание денег в нашей семье. Папа таким умением не владеет. Зато он лучше всех умеет мечтать. Папа всегда мечтал жить на хуторе и учить меня дома, без всяких школ.

Я открываю дверь в класс и в сорок восьмой раз жалею, что папина мечта не сбылась. И обещаю себе, что поменяю школу уже в следующей четверти. И сама себе не верю. Потому что в новую школу я перевелась только в этом году. И в другую посреди учебного года без уважительной причины меня никто не возьмёт. А то, что мне не удалось стать в новом классе хоть сколько-нибудь заметной, вряд ли кому-то покажется достаточно уважительной причиной. Я говорю: «Привет», но в ответ ничего не получаю — даже ни одного кивка. Все слушают Дашу Мошковскую.

— ...Я ему говорю: «А ничего, что через неделю чемпионат?» — на слове «чемпионат» Даша Мошковская понижает голос, как будто разговор идёт о чём-то очень интимном.

— А чемпионат-то при чём? — Ангелина Королёва включает насмешливо-грубый тон. Этот тон Ангелина использует исключительно в общении с Дашей. Даша и Ангелина — подруги. По инициативе Ангелины. Даше подруги не нужны. А Ангелина, когда

поняла, что лидером в классе ей не стать, заняла позицию подруги лидера.

— За две недели до чемпионата никакого секса, — Даша смотрит на Ангелину почти с ужасом: неужели о таком можно не знать?

Отчим Даши Мошковской — директор хоккейного клуба «Юность». И, судя по Дашиным рассказам, у спортсменов «Юности», помимо хоккея, есть ещё один вид спорта — влюбляться в Дашу.

— А чем секс мешает чемпионату? — неожиданно спрашивает Тёма Лебедев. Тёма — улыбчивый и милый. И каждую перемену созванивается с мамой.

— Тёмочка правда хочет это знать? — Даша направляет на Тёму свою фирменную улыбку. Тёма щурится и мотает головой, как будто ему в глаза посветили фонариком.

— Просто я тоже занимался хоккеем, и у нас...

Что было у Тёмы на хоккее, я не слышу, потому что в класс заходит Катя Белая. Она садится рядом со мной и ставит возле парты пакет, набитый книгами. Я понимаю, что Катя сегодня ночует у бабушки. Она возит книги туда-сюда, потому что не знает, что именно ей захочется почитать перед сном. Катя — моя единственная подруга. А я — единственная её.

У бабушки Катя ночует часто. Бабушка — её единственная защита. Каждому нужно, чтобы у него был кто-то, кто может защитить. Катю нужно защищать от родителей. Точнее, от папы. Папа Катю бьёт. До настоящих синяков. Кожа у Кати бледная и тонкая. И сама она тонкая — бывшая гимнастка. Катина мама защищать Катю не умеет. У неё красивое равнодушное лицо. Слишком красивое и слишком равнодушное для врача из детской поликлиники. Катя общается с мамой только у мамы на работе. Пару раз мы ездили в поликлинику вместе. Пили чай с сухарями и болтали ни о чём. Катя говорит, что на работе мама — нормальная. И с ней можно поболтать. Хотя бы ни о чём. Дома мама — с папой. Или в другой комнате, когда папа Катю бьёт. Катин папа работает на заводе, где делают сгущёнку. У Кати дома всегда много сгущёнки. И она ест её банками. Иногда по две банки за день.

— Кать, а гимнасткам можно заниматься сексом перед соревнованиями?

Звенит звонок, но Катя успевает услышать мой вопрос.

— Каким сексом? — спрашивает Катя шёпотом, потому что в класс уже зашла Юлия Борисовна, наша классная.

— Обычным.

— Я два года назад ушла из гимнастики.

Два года назад Кате было тринадцать. В тринадцать сексом не занимаются. Честно говоря, я уверена, что в пятнадцать им тоже не занимаются. Мама говорит, что человек верит только в то, на что способен сам. Я в свои пятнадцать на секс не способна. Наверное, поэтому мне кажется, что Даша Мошковская всё врёт.